

ЕЛЕНА ГОВОР

РОССИЯНЕ В ВИКТОРИИ — У ИСТОКОВ

(Продолжение. Начало в «АМ» №№ 41, 43, 46)

ОБ АВТОРЕ

Историк и писательница Елена Говор была среди зачинателей альманаха «Австралийская мозаика» и все девятнадцать лет его существования была не только постоянным автором журнала, но и вдохновителем и советчиком главного редактора. Елена Говор — доктор философии, научный сотрудник Австралийского национального университета, специалист по истории русско-австралийских связей.

История ранних российских эмигрантов в Мельбурне, как и во всей австралийской колонии, а затем в штате Виктория, принадлежит к числу самых малоизученных и, в отличие от истории русской колонии в штате Квинсленд, эту историю приходится восстанавливать по крупицам (Е. Говор).

ПЕРВЫЕ РОССИЯНЕ В ВИКТОРИИ

Первым россиянином, ступившим в 1803 году на дикие берега будущей колонии Виктория, был Джон Потоцкий. В 1823 г. капитан Андрей Лазарев встретил на Тасмании этого «уроженца белорусского», который, «ежели верить словам его, [...] в царствование императрицы Екатерины II был нашим армейским офицером и судьбами превратного счастья занесён в Англию, а оттуда в 1804-м году отправлен на Вандимиеновый остров в числе преступников». По пути на «Ван-Дименовый остров» (ныне это штат Тасмания) ссыльные несколько месяцев провели в бухте Салливан, в южной части залива Порт-Филлип, на берегах которого и лежит ныне Мельбурн. Ссылную колонию основать там не удалось, и семья Потоцких, в числе других ссыльных, стала пионером освоения Ван-Дименовой земли, однако, в начале

1850-х годов его вдова и дочь Кэтрин с семьёй переселились в Джилонг, в том же заливе Порт-Филлип, «приложив все усилия к тому, чтобы изгладить память о тяжёлых годах ссылки и начать новую жизнь в Виктории», рассказывает их праправнучка Кэтрин Мэри Пурселл. Их стремление увенчалось успехом, потомки Потоцких насчитывают ныне более двух тысяч человек¹.

Подлинное открытие русскими молодой австралийской колонии Виктория состоялось в начале 1850-х годов, когда страницы русских журналов и газет запестрели сообщениями о «золотой горячке» в далёкой Австралии, и туда хлынул поток искателей счастья. Потянулись туда и русские, однако одна из первых попыток такого рода, описанная Александром Герценом в «Былом и думах», не увенчалась успехом. Он рассказал историю офицера

¹ Е. Говор. Судьба превратного счастья, или тайна Джона Потоцкого. — Австралиада, Сидней, 1996, № 7, с. 3–7.

Катерина Потоцкая, жена Джона Потоцкого

Николас Шевалье. 1870 г.

Иллариона Стремоухова, бежавшего из России в Европу в конце 1840-х годов. Видя, как он постепенно всё больше нищает и опускается, русская колония в Лондоне собрала для него деньги и вещи и решила отправить его в Австралию, где недавно открыли золото. «Ему дали в Мельбурн рекомендацию и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проезд». Прощаясь, Стремоухов со слезами на глазах говорил: «Как хотите, господа, а ехать в такую даль нелёгкая вещь. Вдруг разорваться со всеми привычками, но это надобно...» Увы, русская обломовщина взяла верх, и спустя несколько месяцев Стремоухова обнаружили не «на берегах Виктории-ривер», а в лондонском кабаке, откуда за буянство и воровство он угодил в тюрьму².

Среди россиян, всё-таки добравшихся до золотых приисков, был Вильям Эммарманн, сын петербургского сапожника. В Австралии он стал национальным героем, пав смертью храбрых во время знаменитого эврикского восстания золотоискателей в Балларате в 1854 году³. Это был своего рода «Ленский расстрел», ставший символом австралийского духа «непокорности» и положивший начало демократическим преобразованиям в Австралии. Это раннее русское присутствие оставило свой след и в австралийских географических названиях. В Австралии, в том числе и в Виктории, в то время появилось несколько Русских балок, находка золота в которых была, возможно, связана с русскими старателями. В это же время золотые поля Виктории заполонили и волна крымских топонимов — так жители австралийской колонии отмечали места кровопролитных боёв Крымской войны.

Петербург стал одним из первых русских центров эмиграции в Викторию. Этот город всегда отличался своим космополитическим национальным составом и неудивительно, что и первыми петербуржцами в Мельбурне были не столько этнические русские, сколько петербургские европейцы. Среди них можно отметить семью немецких музыкантов из Петербурга по фамилии Нихоф (Niehoff) — Карл и его сыновья Иосиф, Генри и Фредерик. Приехав в Австралию во времена золотой лихорадки, они кочевали по всей колонии с концертами, осев к концу XIX века в Мельбурне, где театральная жизнь была ключом. Они поддерживали связи с Петербургом, поставляя, например,

² А. И. Герцен, Былое и думы. Л., 1947, с. 619.

³ Здесь и далее источниками биографических сведений служат записи актов гражданского состояния австралийских колоний/штатов, списки пассажиров кораблей, прибывающих в Австралию, документы о натурализации, материалы из австралийских газет; многие из этих источников доступны в электронном формате на таких сайтах, как <http://ancestry.com/>, <http://naa.gov.au/>, <http://trove.nla.gov.au/newspaper/>

Горы Буффало. Художник Николас Шевалье

в Зоологический музей Академии наук чучела уникальных австралийских животных⁴. В Петербурге родился и провёл юность и один из первых колониальных живописцев Виктории Николас Шевалье (1828–1902), сын швейцарца-отца и русской матери. Он приехал в Австралию в 1854 г., вслед за своим братом Луисом, который отправился на золотые прииски. Живописные полотна Шевалье передают его увлечение австралийской природой, но в то же время он сохранял связь со своим русским прошлым, свободно владея русским языком и принимая в своём гостеприимном доме в Фицрое редких русских посетителей молодой колонии.

Во второй половине XIX века русскую общину раннего Мельбурна, или, вернее, круг лиц с русскими связями, возглавлял Джеймс Деймион (1812–1898). Уроженец Лондона, он ещё в юности отправился в Россию и поселился «на хлебах» в семье священника, чтобы изучить

русский язык⁵. Проведя 17 лет в России, где он занимался торговлей, Деймион эмигрировал в Мельбурн, став одним из основателей молодой колонии Виктория. Когда, после Крымской войны, Россия создавала сеть почётных консулов в Тихоокеанском регионе, Деймион занял должность российского почётного консула и служил на благо России до 1894 г., до самого прибытия в Мельбурн первого штатного консула Алексея Путяты.

Благодаря изучению круга русских контактов Деймиона, удалось раскрыть любопытную страницу океанийских связей Н. Н. Миклухо-Маклая, знаменитого путешественника-петербуржца, который жил в Австралии между 1878 и 1886 годами. Посещая Новую Каледонию в 1879 г., Миклухо-Маклай писал: «Был обрадован утром визитом г. Ш., сына д-ра Ш., долго жившего и практиковавшего в Петербурге, которого я знал в Иене. Г. Ш. уже много лет живёт в Новой Каледонии, имеет обширную плантацию в нескольких километрах от Нумеи, но, кроме того, занимается торговыми делами. Восстание туземцев,

⁴ Н. В. Слепкова, Е. П. Тихонова. Сотрудничество Зоологического музея и Института РАН с зоологами Австралии. Эпизоды взаимодействия. — В кн.: Санкт-Петербург — Австралия. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2014, с. 253.

⁵ Э. Р. Циммерман. Путешествие по Австралии и Океании. — Отечественные записки, 1882, № 12, с. 482; А. Я. Массов. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб, 1998, с. 104–107.

Джеймс Деймион

при котором плантация г. Ш. с её жителями подверглась опасности быть разграбленной, а люди, при их сравнительной малочисленности, убитыми поголовно, так напугало г-жу Ш., что её муж решил, во избежание повторения такой случайности, совершенно покинуть Новую Каледонию и переселиться в Аргентинскую республику. Пока он оставался в Нумее для продажи своей плантации и окончания дел, Г. Ш. любезно пригласил меня к себе на плантацию, причём я буду иметь возможность видеть немного внутренность острова, так как Тамоа (плантация Ш.) лежит за береговым хребтом». Миклухо-Маклай действительно посетил Тамоа, где собрал ценный этнографический материал, однако имя его гостеприимного хозяина до сих пор оставалось неизвестным⁶.

Как удалось выяснить, госпожой Ш. была старшая дочь Джеймса Деймиона Агнес (1845–1929), родившаяся в Мельбурне. Её мужем стал петербуржец Эдуард Шиле (Schiele) (1843–1929). Его отец, немец Альберт Шиле (1804–1887), действительно был доктором медицины, служившим в Петербурге, а мать Амалия (1811–1869) происходила из семьи петербургских немцев Бётлинг(к)ов. С их семьёй Миклухо-Маклай подружился зимой 1869/70 г. в Иене. Братом Амалии был знаменитый лингвист и индолог Оттон Николаевич Бётлинг (1815–1904), с которым Миклухо-Маклай поддерживал научные контакты во

время своих путешествий, посылая ему свои исследования о языках Океании.

«СИБИРЬ» В КОХУНЕ

Обнаружились россияне и среди первопоселенцев Виктории, причём не один-два, а целая коммуна. Как сообщали австралийские газеты, в сентябре 1909 года большая группа русских (7 семей в составе 20 человек) прибыла в Мельбурн из Томска на корабле «Олденхам». На следующий день в сопровождении представителя министерства иностранных дел они появились на пороге земельного управления Виктории, объясняя, что пришли за бесплатной плодородной землёй, которую, как они узнали из брошюры, изданной управлением, в «свободной Австралии» раздают вдоволь всем желающим. Сотрудники управления растерялись — они действительно стряпали какие-то рекламные буклеты, но дальше письменных запросов дело обычно не шло, а тут — Томск, Сибирь, «грубые волосатые варвары», которые ни слова не знают по-английски, да ещё хотят поселиться коммуной! Управление было совершенно парализовано, и разруливать ситуацию пришлось министру земельного управления, срочно вызванного из Эчуки на севере штата, который собственноручно повёл заморских гостей на приём к премьер-министру Виктории, чтобы разобраться, что с ними делать⁷.

Новость о сибирских переселенцах тут же облетела все газеты Австралии. Сиднейская «Дейли телеграф» описывала ситуацию в трагикомическом ключе: «Идея, что кто-либо мог действительно принять красивую рекламу, распространяемую иммиграционными агентами Виктории, за чистую монету, стала шоком и для премьер-министра. Он был в положении джентльмена, который, в духе праздного зубоскальства, объявил, что ему нужны два дракона и один птеродактиль, и в результате какого-то паранормального явления вдруг обнаружил, что эти милые монстры медленно, но неуклонно шествуют по дорожке к его особняку». А серьёзно говоря, проблема была в том, что та земля, которую можно было получить в Виктории на льготных условиях, была малопригодной для успешного ведения сельского хозяйства, и прибытие партии сибирских переселенцев стало лакмусовой бумажкой для австралийских бюрократов. «Если Виктория не сможет предоставить переселенцам тех условий, что были обещаны, — писала мельбурнская «Эйдж» — эта страна, безусловно, должна прекратить распространение

⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2., М.: Наука, 1993, с. 237–238.

⁷ From Siberia. Some immigrants arrive. — Herald, Melbourne, 20.09.1909, p. 6; In search of land. Siberian immigrants. — Herald, 21.09.1909, p. 5; News of the day. — Age, Melbourne, 22.09.1909, p. 6.

дорогостоящей иллюстрированной литературы, заманивающей сюда людей»⁸.

В конце концов, благодаря вмешательству премьера и министров, сибирским переселенцам был выделен участок земли площадью 186 акров в Кохуне — новом сельскохозяйственном поселении, разбитом на границе Виктории, за Эчукой. Там проводилась государственная программа ирригации земель, расположенных вдоль Муррея, и туда и поехали через несколько дней ходоки из сибирской группы. В Кохуне их ждал корреспондент местной газеты, который с удивлением обнаружил, что «русские» были люди как люди, и, осматривая землю, задавали вполне разумные вопросы, и один из них был даже почвоведом. Газеты писали о них как о «выносливых русских крестьянах, привыкших к трудностям в местах, где земля семь месяцев в году лежит под толстым слоем снега»⁹. Ирония была в том, что, будучи в плену всех стереотипов, связанных со словом «русский», австралийцы долго не могли понять, что перед ними были не русские крестьяне, а сибирские евреи. Об этом свидетельствовали их безбожно исковерканные имена, вскоре напечатанные в местных газетах; корреспондент, впрочем, прибавлял, что учитывая, что вслед за ними могут приехать новые переселенцы, «нашим людям пора начать учиться как писать и произносить их имена»¹⁰.

Примером приключений имён россиян в Австралии могут служить имена членов двух основных семей группы Гардашниковых, вероятно, братьев или кузенов. Они въехали в Австралию под фамилией Друс (Druss), затем фамилия в газете появилась как Дус Кордашниксов (Douss Cordaschnixoff), несколько месяцев спустя в документах фамилия одного брата записана как Гардошинок и Гарташников, а другого — Гардашнеков. И, наконец, во время последующей иммиграции в Америку, фамилия получает правильную форму Гардашников, но все члены семей вскоре меняют её на Харт. Американские документы, кстати, позволяют заглянуть и в этнокультурную самоидентификацию томских переселенцев. Один из мальчиков-переселенцев, имея еврейское имя Лейб, при натурализации в Америке указал свое привычное «русское» имя — Левонтий, в Америке он жил, правда под именем Леон, но это уже совсем другая история. На основе этого можно предположить, что языком общения у них был русский.

Но вернемся в Кохуну. Уже через неделю после поездки ходоков наши переселенцы прибыли туда с семьями.

С ними вместе приехал и Мосес Зисман, который помогал им с переводом — он уже прожил в Мельбурне 4 года и тоже хотел поселиться на земле. Земельный надел они получили в Мак-Миланс, в трёх километрах от Кохуны. Мужчины сразу занялись постройкой домов и сараев, а женщины с детьми (в группе было 8 детей в возрасте от года до 11 лет) пока жили в съёмном доме. Идея жить вместе, коммуной, была не случайной, в России она уже носилась в воздухе. Почти одновременно с томскими переселенцами, с Дальнего Востока выехало ещё несколько групп россиян, попытавшихся организовать русские коммуны-поселения в Квинсленде. Учитывая, что наши переселенцы были культурными людьми (это они подчёркивали в интервью), имели стартовый капитал, и по прибытии в Мельбурн говорили газетчикам, что они решились ехать в Австралию, привлечённые её «свободой» и возможностью хорошего образования для детей, можно предположить, что ими двигали «идеи», а не чисто экономические причины. Имея опыт огородничества под Томском, они планировали вести на земле хозяйство смешанного типа, причем правительство выделило им стадо коров, от которых они сразу могли получать прибыль.

Однако жизнь в австралийском буше оказалась совсем не простой. Старожилы этих мест вспоминали, что в жару русские очень страдали и «проводили целые дни, сидя по шее в канале за домом мистера Маквэй и попросили соседей нарезать камышей, чтобы изолировать потолки в их домиках»¹¹. Есть глухие упоминания о том, что в коммуне начались раздоры. Но самой главной проблемой стали сложности с ведением хозяйства. Уже три месяца спустя, в феврале 1910 года, в местной газете появилось объявление о полной распродаже имущества в «Русском поселении, Барр Крик»: 22 коровы, бык, 20 телят, лошадь с жеребёнком, оборудование маслобойки и мебель. К марту в поселке оставалось лишь две семьи, которые, вероятно, также скоро уехали¹².

О том, как сложилась дальнейшая жизнь томских переселенцев известно немного. Вместе с Зисманом они перебрались в Мельбурн и ненадолго остановились у него в доме. Уже в марте одна семья Гардашниковых уехала в Америку. В другой семье Гардашниковых родился и вскоре умер сын, что задержало её выезд на несколько месяцев, но в конечном итоге они тоже покинули Австралию. Поскольку никаких упоминаний других членов коммуны в австралийских документах найти не

⁸ The Siberians and the little advertisement. — Daily Telegraph, Sydney, 25.09.1909, p. 11; Immigrants from Siberia. Arrival of farmers from Tomsk. — Age, Melbourne, 21.09.1909, p. 5.

⁹ The Russians in Cohuna. — Kerang New Times, 1.10.1909, p. 5.

¹⁰ About people. — Bendigo Independent, 14.10.1909, p. 5.

¹¹ Gwenyth Gordon, a. o., ed., Unlock the Land: A History of the Cohuna District 1875–1975, Echuca: Riverina Herald Print, n. d., p. 33.

¹² Unreserved clearing sale. — Kerang New Times, 7.02.1910, p. 3; Russian immigrants. — Herald, Melbourne, 7.03.1910, p. 4.

удалось, то можно предположить, что они тоже постепенно разъехались или сменили фамилии.

К сожалению, первая русская колония в Австралии потерпела фиаско. В 1912 году вопрос о неоправданных государственных затратах на русское поселение в Кохуне поднимался даже в парламенте Виктории, но постепенно эта история сошла со страниц печати. Однако жители Кохуны не забыли своих недолгих экзотических соседей. Место, где было русское поселение, до сих пор называется «Сибирь», и название это даже закреплено в адресе одного из местных фермеров: “Siberia”, McMillans, Victoria, 3568.

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В МЕЛЬБУРНЕ

К концу второго десятилетия XX века в Виктории насчитывалось около тысячи россиян, причём значительная их часть была сосредоточена в Мельбурне. Большинство из них составляли евреи, поляки, финны и жители Прибалтики. Последние были, в основном, моряками, и их пребывание в Мельбурне часто было непродолжительным. Еврейская колония в Мельбурне, в отличие от Сиднея, была более многочисленной и сплочённой. Уже с конца XIX века, под влиянием погромов, сюда стали переселяться евреи из юго-западных районов Российской империи, в частности, из еврейских земледельческих колоний в Приазовье и из Одессы. В широком смысле слова, это была цепная миграция, когда вслед за первопоселенцами ехали их родственники, друзья, земляки. Один из случаев такой миграции исследует, например, Хаим Фридман¹³. Этнокультурная самоидентификация у этой группы мигрантов была двойственной: в некоторых семьях преобладал идиш и английский, в других — было место и русскому. Их история заслуживает отдельного исследования, и в данном очерке мы будем говорить лишь о тех из них, кто принимал активное участие в жизни, говоря современным языком, русскоязычной общины.

Число же русских в Виктории — в этническом и/или культурном плане — до Первой мировой войны было невелико и едва ли превышало две сотни человек. В отличие от Брисбена, где преобладали эмигранты с Дальнего Востока, в Мельбурн русские попадали также из европейских портов. Единицы прибыли как политэмигранты после Первой русской революции, но основной поток

составляли «трудовые» мигранты, прибывавшие в возрастающем количестве на протяжении 1911–1914 гг. В отличие от квинслендцев, где преобладали одинокие мужчины, кочевавшие со строительства железных дорог на рубку сахарного тростника, многие мельбурнцы были людьми семейными, постоянно жившими в городе.

Первые сведения об общественной жизни этой волны иммигрантов относятся к 1910 году и связаны с именем Петра Швеца (Peter Svetz), который появился в Мельбурне в апреле 1910 года. Уроженец Александровска в Екатеринославской губернии, он был членом РСДРП с 1900 года. В 1905 году он принял участие в вооружённом восстании и был осуждён на 12 лет каторги. По дороге на Нерчинские рудники он бежал с поезда, перешёл границу и в декабре 1908 года прибыл в Сидней, отработав свой проезд на пароходе¹⁴. Вполне вероятно, что он участвовал в организации русского клуба в Сиднее в мае 1909 года и был тем «молодым человеком», который безуспешно пытался привнести в задачи клуба «социалистический элемент»¹⁵. Вскоре после этого Швец отправился на 10 долгих месяцев в городок Литгоу, а затем перебрался в Мельбурн. Здесь он попытался приложить свои силы на благо растущей русской общины, став секретарём Русского клуба, созданного в сентябре 1910 года. Отметим, что и Сиднейский, и Мельбурнский клубы были созданы раньше Брисбенского, который лучше всего известен историкам русской эмиграции. В задачи клуба входила помощь новоприезжим и содействие общению между русскими. Очевидно, на первых порах своего помещения у клуба не было и адресом для контактов был указан адрес Швеца — 23 Milton Street, West Melbourne. Клуб планировал проводить собрания каждые две недели¹⁶. Сведений о дальнейшей деятельности этого клуба найти не удалось, и, возможно, она постепенно сошла на нет. Петр Швец, — по профессии он был механиком и токарем, — натурализовался в 1911 и вскоре покинул Австралию. В начале 1912 года он уже служил механиком на корабле, ходившем из Англии в Южную Америку.

Но было движение и в противоположном направлении — из Англии в Викторию. В декабре 1911 года в Мельбурне сбежали с корабля несколько моряков-эсеров, которые вынуждены были срочно покинуть Лондон; это были латыши и двое русских — Бэзил Савинов и Артур Муравлёв. Настоящее имя Савинова было

¹³ Chaim Freedman and Julie Ruth, ‘The Interlocking Melbourne Russians’, *Roots-Key Newsletter of the Jewish Genealogical Society of Los Angeles*, Spring 2005. http://kehilalinks.jewishgen.org/colonies_of_ukraine/articles/MelbourneRussians.htm

¹⁴ Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. — М., 1934, с. 722.

¹⁵ ‘A Russian club’, *Daily telegraph*, Sydney, 31.05.1909, p. 3.

¹⁶ A Russian Club. — *Age*, 16.09.1910, p. 8; Russian Club. — *Age*, 17.09.1910, p. 1.

А. Е. Минин (А. Еминин?), он был уроженцем Иркутска, рабочим, бежавшим из России в 1909 году по политическим мотивам. Сохранились его письма Алексею Львовичу Теплову (1852–1920), политэмигранту, организовавшему в Лондоне Фонд вольной русской прессы и русскую читальню в Ист-Энде. Первые впечатления об австралийском обществе у Савинова были отнюдь не радужные: «Публика очень развратная, прогресса никакого. Представьте себе — страна, в которой в полном смысле свобода слова, собраний, союзов и т.д., почти чуть не всё то, из-за чего так много пролито крови в России, а приличия ничуть. Я живу ещё очень немного здесь, а уже много лиц встретил, которые не знают своих писателей. [...] Женщины участвуют в выборах, что очень вредит стране, они проваливают выборы». Разочаровали его и австралийские «левые»: «...был на митинге местных анархистов и интернациональных социалистов — жалкое впечатление». Его гложет извечное русское желание разорвать мещанский мирок материального благополучия: «Пожив немного на берегу при хороших условиях и среди русских хотя немного сознательно, я пришёл в себя, и мне стало стыдно за себя, будто бы я для того уехал за границу, чтобы хорошо зарабатывать и жить только для моего удовольствия. Нет! Я не для этого уехал!»

Савинов тянется к интеллектуальной жизни, «выписал газету „Русское слово“. Встретил русского, который живёт здесь долгое время, он выписал „Речь“». И тут у Савинова возникает план. Он просит Теплова подыскать ему в Лондоне нуждающуюся русскую женщину, политическую эмигрантку, для помощи по хозяйству, билет в Мельбурн для которой он оплатит. Но главное тут не хозяйство: если найдется такая женщина, то «наш кружок 5 человек и ещё один российский еврей, бежавший из Якутской области через Владивосток, взяли бы один дом, в котором бы устроили библиотеку и клуб». Первоначальный план поддерживал и Артур Муравлёв, соратник Савинова, но он вскоре отказался жить в коммуне, т.к. предпочёл зарабатывать деньги для своего собственного образования. Тем не менее, Савинов не сдаётся. Полгода спустя, в июне 1912 года он пишет Теплову: «Я старался было основать здесь кружок соц[иал]-р[еволюционн]ый [т.е., очевидно, эсеровский. — Прим. Е.Г.], но не имея никаких связей с партией, в настоящее время вынужден был присоединиться к социал-демократам несмотря на то, что я во многом не согласен с ними в тактике борьбы. Кружок пока задался лишь оказывать материальную помощь партии и всё»¹⁷. Вскоре Савинов покинул Мельбурн, вернувшись к службе на кораблях, ходивших между Сиднеем и Новой Зеландией, но русская общественная жизнь в Мельбурне продолжалась.

Её развитию способствовало прибытие на протяжении 1911–1912 годов десятков русских эмигрантов, осевших в Мельбурне. Именно с этого момента можно говорить о наличии русской общины в Мельбурне. Среди этой когорты иммигрантов были механики Петр Алексеев, Максим Горовой, Прокофий Гременюк, Иван Щербаков, Владимир Заремба, плотник Кузьма Белоусов, краснодеревщик Эдуард Забородский, котельщик Михаил Студилин. Имея востребованные рабочие специальности, эмигранты этой когорты не бедствовали — снимали и покупали хорошее жильё, одевали детей по-западному и постепенно преобразовались сами.

Благодаря этой группе эмигрантов начали функционировать и несколько русских организаций. Это, прежде всего, Мельбурнский русский рабочий кружок, который возглавлял Тимофей Миронов, прибывший в Мельбурн в 1911 году. По специальности Миронов был столяром, приехал он из Сибири и жил в Мельбурне с семьёй.

В Мельбурне также было отделение Общества помощи ссыльнопоселенцам и каторжникам в России, которое возглавлял Александр Боровин, токарь из Курской губернии. Это общество помогало политзаключённым России вне зависимости от их политической, религиозной и этнической принадлежности, и Александр сумел привлечь к его деятельности австралийских социалистов и, вероятно, широкую публику. Общество регулярно проводило музыкально-танцевальные вечера, сбор от которых отправлялся в европейские организации помощи заключённым. Вовлечение Александра в эту деятельность началось с публикации его воззвания к австралийским рабочим с рассказом о политзаключённых в мельбурнской газете «Социалист»¹⁸. Любопытно, что название общества газета смогла напечатать по-русски, используя английские буквы — Россия в то время вызывала большой интерес.

Во главе ещё одной русской организации — Мельбурнского отдела русских социалистов — стоял латыш Джон Дравин, работавший кузнецом. Косвенным свидетельством его участия в политической деятельности в России служат слова в полицейском донесении: «покидая Россию, он спрятался на борту корабля и поэтому выехал без паспорта». В России он работал клерком в Морском министерстве¹⁹. Возможно, он был одним из тех латышей, которым Савинов помог при побеге из Англии, о чём он писал в письмах Теплову. Этот отдел тоже проводил вечера с танцами для сбора денег для помощи русской газете, издававшейся в Брисбене.

¹⁸ A. Borivin, J. R. Wilson, Russian political prisoners. Union of help. — *Socialist*, Melbourne, 26.06.1914, p. 3.

¹⁹ Elena Govor, Latvian radicals in Australia. — In: Aldis L. Putniņš, ed., *Early Latvian Settlers in Australia*, Melbourne: Sterling Star, 2010, p. 207.

¹⁷ Б. Савинов, письма А. Л. Теплову [1911–1912]. — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) ф. 1712, оп.1, д. 70, л. 2, 98–100 об, 131–132, 158–158 об.

Семья Заборовских

Дети Заборовских около их дома, 88 Cobden St в Мельбурне. Фотографии из архива семьи Заборовских

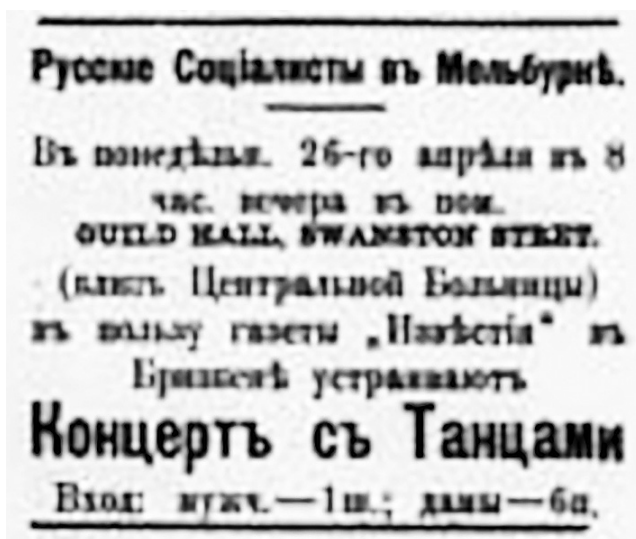

Тимофей Миронов с женой

Дети Мироновых Виктор и Антонина.
Фотографии из архива семьи Мироновых

Объявление о вечере русских социалистов
в Мельбурне в газете «Известия
Союза русских эмигрантов»

Однако этой деятельности некоторым казалось недостаточно, о чём появилась критическая заметка в «Известиях Союза русских эмигрантов»: «Во всех кружках одни и те же члены, которых весьма не много; остальные не присоединяются никуда, говоря, что одно не подходит к их убеждениям, в другом нечего им делать, а в третьем — им публика не нравится и предпочитают оставаться в стороне». Анонимный автор заметки призывал социалистов: «Ваша обязанность служить рабочему классу, просвещать его, бороться с его темнотой, и если вы этого

не делаете, то вы не друзья рабочего класса и не достойны называться социалистами. За работу, товарищи»²⁰.

Единственная организация, которая не вызвала нареканий нашего анонимного критика был Русский музыкальный кружок. Об истории его Дравин рассказал на страницах «Известий» в 1915 году. Создан он был в 1915 году на базе русского балалаечного оркестра, который существовал уже несколько лет и часто играл на русских вечерах. Дравин отмечает, что многие в кружке не знали нотную грамоту и играли на слух, по памяти, из чего можно заключить, что членами его были рабочие и ремесленники, осевшие в Мельбурне. Теперь же, с созданием музыкального кружка, было решено организовать групповые курсы для изучения музыкальной теории и практики под руководством «энергичного капельмейстера госпожи К.» (имя её раскрыть пока, к сожалению, не удалось).

Кроме кружка, существовала и русская библиотека. Герман Быков, писавший под псевдонимом А. Р-в (Рязанов), неоднократно посещал Мельбурн, работая в качестве матроса на каботажном судне. Он отмечал, что члены Мельбурнского русского рабочего кружка «искренне озабочены саморазвитием российского пролетария», а библиотека выписывает такие периодические издания как: «Речь», «День», «Русское слово» из России; «Голос труда», «Новый мир», «Жизнь и смех», «Великий океан» из Америки; «Рабочее знамя», «Социал-демократ»,

²⁰ Корреспонденция. Мельбурн. — Известия Союза русских эмигрантов, 19.08.1915, с. 2.

«Набат» из Швейцарии. «Несмотря на преобладание анархического элемента, т.е. мельбурнцы не сектанты, — считал он, — не вульгарные нигилисты, и это может быть потому, что они действительно не имеют в рядах своих „бывших интеллигентов“ как сиднейцы. Их руководителями являются сами пролетарии, любовно устранивающие библиотечные и организационные дела»²¹.

Библиотека была центром культурного притяжения и для немногочисленных интеллигентов, осевших в Мельбурне. Например, в 1913 году в мельбурнской газете «Эйдж» предлагал свои услуги для вечерних занятий русским языком в русской библиотеке «опытный учитель», обучавшийся в Московском университете. Там же предлагались вечерние классы для занятий английским языком для иммигрантов. В обоих случаях в качестве контактного лица был указан Аркадий Васильев, механик из Петербурга, но, вероятно, он был только организатором этих занятий. Адрес библиотеки в то время значился как 468 Bay Street, Port Melbourne.

Вклад одной интеллигентной пары в судьбы русской колонии в Мельбурне оказался судьбоносным. С ними мы и познакомимся поближе.

ЮЛИЯ И ФРИДРИХ ГРЕБИНЫ

В 1913 году австралийские газеты поспешили сообщить об открытии нефти на Новой Гвинее. За этим открытием стоял Фридрих Гребин (1886–1954), уроженец Одессы, происходивший из русско-немецкой семьи. Он закончил университет Фрайбурга и был уже известным геологом, когда австралийские власти пригласили его в качестве специалиста для поиска нефти на Новой Гвинее. Несмотря на приступы малярии, он блестяще выполнил свою задачу, обследовав различные районы острова и открыв нефть в районе реки Вайлала. В феврале 1914 года он отправился в Сингапур, где женился на Юлии Кабалкиной, и в мае 1914 года, незадолго до начала войны, привёз молодую жену в Мельбурн. В связи с началом Первой мировой войны, дальнейшие планы по поиску нефтяных месторождений были приостановлены, и Гребины на несколько лет застряли в Мельбурне.

Юлия Романовна Кабалкина (1887–1935) родилась в Смоленске, в состоятельной обрусевшей еврейской семье, которая в начале XX века переселилась в Харбин. Будучи хорошо образованной, Юлия владела шестью языками и прекрасно знала русскую литературу и музыку. Она легко вошла в культурный мир Мельбурна, регулярно проводя лекции по русской литературе и музыке на

английском языке. Первой её базой стала «Библиотека книголюбов» на Коллинс Стрит (д. 239), через которую уже в марте 1915 года Юлия объявила о проведении групповых занятий русским языком²². В апреле она начала читать цикл лекций о русской литературе в Бресант-холле недавно открытой торговой аркады Центрвэй (Centreway) и в Аустрал-салоне на той же Коллинс-стрит. Лейтмотивом лекций был интерес к важному союзнику Австралии в Великой войне — России — и необходимость более глубокого знакомства с ней. Однако уже в первой лекции в выступлении Юлии прозвучали слова, которые показывали, на чьей стороне были её симпатии: «Ни в одной другой стране литература не играет такую влиятельную роль, как в России. Это происходит потому, что в стране нет свободной политической жизни, и лучшие умы страны вынуждены говорить о своих позициях через литературу»²³. Лекции перемежались с музыкальными произведениями русских композиторов, которые исполнял скрипач Бенджамин Геселев.

Обаяние Юлии Гребиной было столь велико, что своим высоким покровительством её почитала леди Манро-Фергусон — жена генерал-губернатора Австралии и основательница Австралийского отделения Красного креста. Вскоре просветительную деятельность Юлии поддержала и знаменитая австралийская певица Нелли Мелба, некогда выступавшая в Петербурге и сейчас занимавшаяся сбором пожертвований в фонд госпиталя для русских союзников²⁴. Юлия стала «своей» среди дам мельбурнского высшего света, постоянно участвуя в патриотических вечерах, то в честь России, то в честь Франции или Италии, где она выступала с изящными литературно-музыкальными презентациями; интервью с ней появлялись в центральных газетах и Виктории, и Нового Южного Уэльса. Её выступления охватывали всё новые темы: русская история, религия, образование, обычаи и повседневная жизнь, судьбы выдающихся русских женщин. Благодаря её просветительской деятельности, Россия из холодной страны «варваров» триумфально входила в число цивилизованных культурных стран с богатой духовной жизнью.

Однако, с любовью рассказывая о своей родине, Юлия не стремилась вести официозную пропаганду априори положительного образа России. Она не славословила императора и царские власти; более того, она пыталась донести до слушателей понимание, что русский народ и политический режим — это разные вещи. Например, рассказывая о тяге к университетскому образованию,

²² 'General news'. — Argus, 29.03.1915, p. 11.

²³ 'News of the day'. — Age, 1.05.1915, p. 10.

²⁴ 'Melbourne chatter'. — The bulletin, 15.07.1915, p. 20; Table Talk, 10.08.191. 9.

²¹ А. Р-в. Корреспонденция. Melbourne. — Рабочая жизнь, Брисбен, 15.08.1916, с. 3.

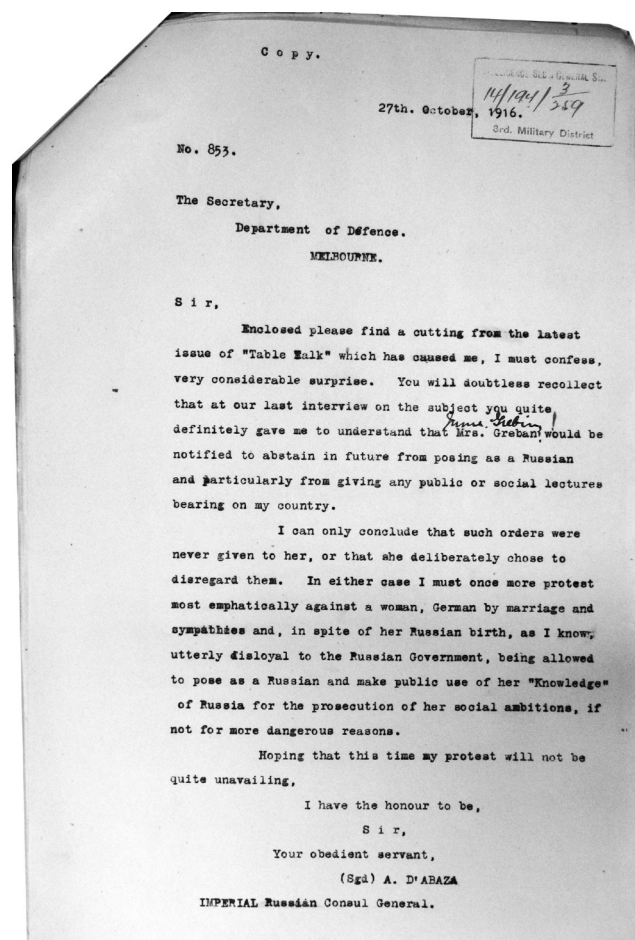

Юлия Гребина

Одно из объявлений о лекциях Юлии Гребинной

Madame Grebin, M.A.
will deliver a Lecture on
RUSSIA
HISTORY, RELIGION, EDUCATION, LITERATURE,
CUSTOMS, Etc.
Illustrated by Lantern Slides
— AT THE —
New Masonic Hall, Little Ryrie Street,
GEELONG, on
Thursday, Oct., 5th, 1916, at 8 p.m.
MISS MABEL MUNTZ, Mus. Bac.
will play the following pianoforte works by Russian
composers—
"Chanson Triste" - - - - -
"Humoresque" - - - - - Tschaikowsky
"La danse de la fée dragée" - - - - -
"Basso Obstinato" - - - - - Arensky
"In a Vodka (whisky) Shop" - - - - - Bax
"Berceuse" - - - - - Iljinsky
"Une tabatière à Musique" - - - - - Liadow
"The Volga Song," Etc.
Tickets, 2s. (reserved seats), and 1s.
can be obtained at Allan's, or at the Door.
AM

ЕЛЕНА ГОВОР. РОССИЯНЕ В ВИКТОРИИ — У ИСТОКОВ

Донос Александра Абазы австралийским властям на Юлию Гребину

в том числе и со стороны женщин, она в нелицеприятных тонах описывала деятельность охраны, проникавшей в университеты и следившей за студентами²⁵. Очевидно, этого было достаточно, чтобы оказаться на чёрном счету у российского генерального консула Александра Абазы, который всячески пытался подорвать доверие к Гребинным со стороны австралийских властей. Так, на свет был извлечён факт о том, что хотя отец Фредерика с детства жил в России, на момент рождения сына он не имел российского подданства, и таким образом Фредерика и Юлию, жену, сочли немцами и чуть не интернировали. Абаза добился своей цели — в конце 1916 года Юлии запретили проводить публичные лекции о России, хотя майор Джонс, глава австралийской службы безопасности, и отмечал во внутренней переписке, что ненависть Абазы к госпоже Гребинной ставит австралийские власти в неловкое положение, т.к. в действительности такое запрещение с их стороны не легитимно²⁶.

²⁵ 'In Russia. Conditions past and present. Chat with Mme Grebin'. — Sunday times, Sydney, 20.08.1916, p. 9.

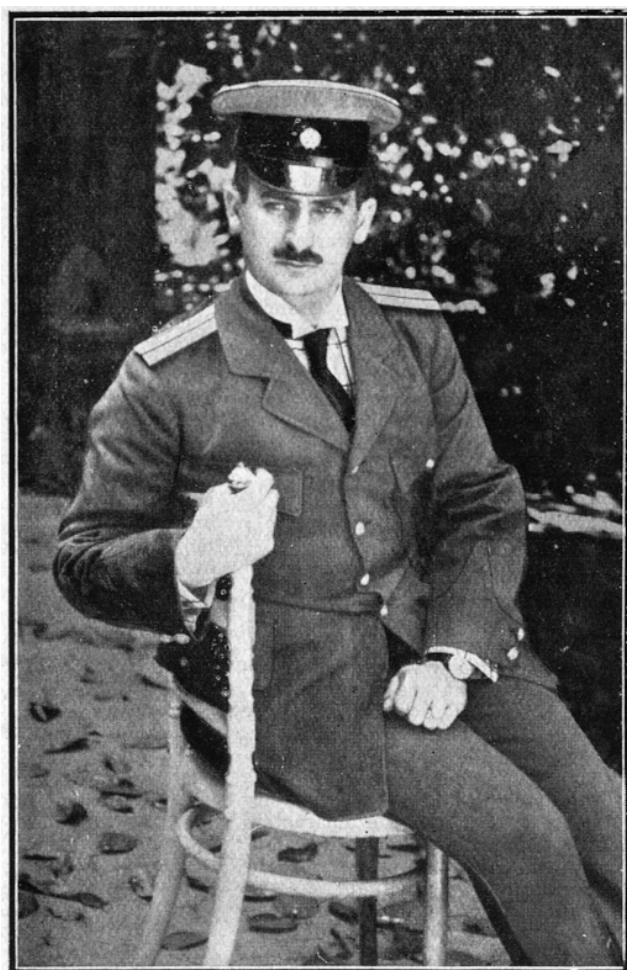
²⁶ 'Grebin F C & Madame Grebin', NAA, MP16/1, 1914/3/259.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПЛАНЫ

Александр Абаза неслучайно обратил внимание на стремление Юлии Гребиной познакомиться австралийцев с Россией. Создание положительного образа России было и его приоритетной задачей, однако, в отличие от Юлии, он полагал, что образ России должен был быть положительным без всякого изъясна. Союзничество между Россией и Австралией в Первой мировой войне предоставило ему уникальную возможность для такой деятельности. В начале февраля 1917 года, на волне симпатий к воюющей России, он учредил в Мельбурне Российско-австралийское бюро торговли и информации. В условиях войны с Германией и антигерманской пропаганды, России прочилось занять место Германии на австралийском рынке. Для развития прямой торговли между двумя странами предполагалось установление прямого пароходного сообщения с Владивостоком и Одессой; планировались также выставки русских товаров в Австралии и австралийских — в России. Одним из ключевых моментов этого грандиозного плана было преодоление преград, вызванных негативными стереотипами, невежеством и заблуждениями, которые препятствовали развитию коммерческих связей между Россией и Австралией. В частности, предполагалось издавать русскую газету на английском языке в Австралии, опубликовать в Петербурге книгу, представляющую современную Австралию как выгодного торгового партнёра, и подготовить аналогичное рекламное издание, живописующее Россию для австралийской публики.

При посредстве Бюро предполагалось также учредить преподавание русского языка во всех штатах Австралии. В феврале 1917 года, пропагандируя русский язык, Абаза выступил в Мельбурнской городской думе с интересным рассказом о русском языке, уверяя, что культурный человек может освоить русский язык в объеме, достаточном для ведения деловых отношений, за три месяца. Для занятий русским языком в Мельбурне он предоставил помещение в Российском консульстве, находившееся по адресу 438 Литтл Коллинс стрит.

В то время как Абаза возглавлял деятельность Бюро, практическую работу по пропаганде этого проекта с энтузиазмом взял на себя петербургский доктор Михаил Эммануилович Клячко. В Австралии он оказался уже во время войны, и путешествие его к антиподам было довольно драматичным. Накануне войны он отправился из Англии на Дальний Восток на борту немецкого корабля «Лютцов». Начало войны застало корабль в Красном море, где немецкая команда судна незамедлительно интернировала русского доктора, но вскоре корабль был захвачен англичанами, и Клячко высадили в Египте. Здесь он попал на службу в 1-й Австралийский госпиталь

CAPTAIN M. KLATCHKO,
A Russian officer attached to the first Australian General Hospital as specialist in ceroplastic work.

Доктор Михаил Клячко

в Гелиополисе. Оказалось, что он искусный пластический хирург в области лица. Многие австралийские анзаки, вывезенные в Египет с Галлиполи с тяжёлыми черепно-лицевыми ранениями, были возвращены к жизни благодаря его мастерству. Один из его австралийских сослуживцев писал: «Ваше стремление помочь нам, чем только Вы можете, отражает добрую волю русского народа по отношению к нам. Мы, австралийцы, только малая часть Британской Империи, но я могу заверить Вас, как высоко мы это ценим». Даже австралийский министр обороны выразил признательность Клячко за его службу.

В сентябре 1916 г. он приехал в Мельбурн, сопровождая раненых, и некоторое время служил врачом на призывных пунктах, но Абаза нашёл ему более эффективное применение. В качестве уполномоченного по делам торговли Клячко совершил многочисленные поездки по Австралии, раскрывая перед австралийцами потенциал для развития австралийско-русской торговли. Кстати, ряд выдвинутых им идей относительно сотрудничества между Австралией и Россией, звучат вполне

актуально и ныне, например, использование австралийских технологий в области горнорудной промышленности и животноводства.

В апреле 1917 года Абаза рапортовал в МИД России, что «по инициативе члена Бюро журналиста г-на Пратта, ныне предпринимается издание от имени Бюро описания Австралии для русской публики. Местное правительство со своей стороны приняло в настоящем деле горячее участие, ассигновав на издание 2000 фунтов стерлингов и привлеки специалистов-сотрудников по каждой отрасли знания». Предполагалось, что в скором времени Клячко отправится в Петроград для организации перевода и издания этого богато иллюстрированного труда на русском языке. В том же донесении Абаза сообщал, что занятия на курсах русского языка идут полным ходом, на них обучается 50 человек, занятия проводятся три раза в неделю «русской дамой, окончившей гимназию»²⁷.

Однако уже к июню 1917 г. события в России показали австралийцам, что планы относительно торгового сотрудничества придётся отложить на неопределённый срок.

РУССКАЯ КОЛОНИЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

12 марта 1917 года в Австралию дошли вести о Февральской революции в России. Эти вести с родины взволновали всю русскую колонию в Мельбурне. В воскресенье, 25 марта, группа русских отправилась в консульство, чтобы посмотреть, какую позицию занимает Абаза, причём они демонстративно развернули перед консульством красный флаг, так как «не хотели проводить митинг под флагом старого режима». После этого с красным флагом они отправились на берег Ярры праздновать революцию. В Петроград было послано приветствие рабочим делегатам нового правительства²⁸. На следующий день в газетах появились сообщения, что Временное правительство приняло решение об амнистии политзаключенных и о содействии возвращению политэмигрантов в Россию.

31 марта состоялся новый митинг русских подданных Мельбурна; в корреспонденции отмечалось, что в нём участвовало около «200 русских поляков, евреев, финнов и латышей — представителей русской колонии в Мельбурне». Любопытно, что инициативу взял на себя мельбурнский предприниматель Ниссон Леонард-Каневский. Еврей из местечка Лазорки в Полтавской губернии, он в юности оказался вовлечённым в революционную борьбу; позднее,

Ниссон Леонард-Каневский в своём кабинете

уже в Австралии, он говорил, что пережитое им в русских тюрьмах заставило его помогать любому, попавшему в беду соотечественнику. В Мельбурне он успешно освоил английский, женился на австралийской девушке и занялся бизнесом, открыв предприятие по производству женских блуз. Однако, как только новости о революции достигли Австралии, он вспомнил о своей юности в России и решил помочь русской общине, предоставив для проведения собраний зал на своём предприятии, который находился в самом центре Мельбурна по адресу 241 Флиндерс лейн.

Корреспондент писал, что зал был украшен красными полотнищами с лозунгами «Да здравствует свободная Россия!» и «В борьбе обретём мы право своё»; у всех присутствующих были красные банты. Главной темой собрания была репатриация политэмигрантов в Россию. Для этого был образован комитет, который возглавил Фредерик Гребин. Он, как оказалось, тоже был политэмигрантом и теперь пришёл на помощь русской общине. В комитет также были избраны Леонард-Каневский, Джек Марущак и Т. Симанков. Часть русских, придерживавшаяся радикальных взглядов, требовала убрать царского консула с его поста. Но возобладало более умеренное крыло в лице Гребина и Леонард-Каневского, убедившее собрание, что если консула убрать прямо сейчас, то они окажутся без законного представителя, который сможет оформить паспорта и документы для выезда. Тем не менее, подобно их собратьям в России, русские начали успешно самоорганизовываться и брать власть в свои руки. Так, новосозданный комитет возложил на себя миссию решать, кто именно может воспользоваться бесплатной репатриацией и сообщать об этом консулу, который должен был организовать заём в банке²⁹.

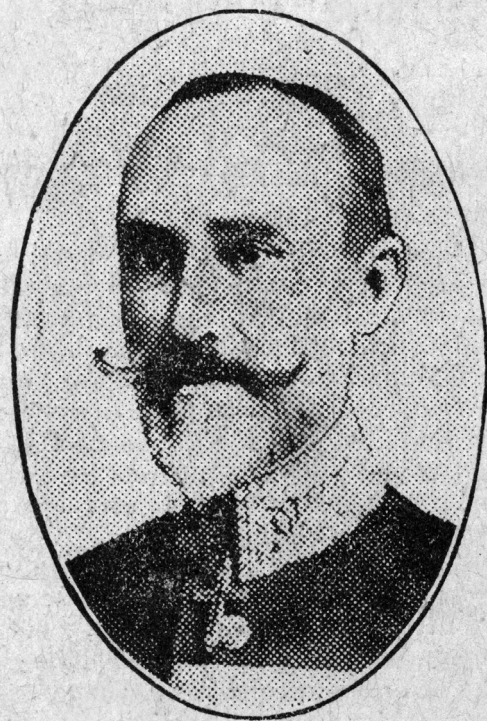
²⁷ Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. (сборник документов) / Сост. А. Я. Массов и М. Поллард. М., 2014, с. 310.

²⁸ Russians in Melbourne. — Age, 26.03.1917, p. 7.

²⁹ Russians in Australia. — Age, 2.04.1917, p. 7.

1917

IN THE PUBLIC EYE

Mr. D'Abazza,
Consul-General for Russia in Australia.

Александр Абаза в 1917 году.
Фото из австралийской газеты

Абаза оказался в трудном положении. События в России он иначе как «переворот» не воспринимал и, как зомбированный, повторял, что всё это происходит только вследствие стремления русских побороть влияние немцев внутри страны и уж теперь-то Россия будет вести войну до победного конца. О местной русской общине он был невысокого мнения и считал задачей консульства борьбу «с влиянием социалистических и социал-революционных элементов русской колонии»³⁰. И вот ныне он вынужден был не просто выслушивать эти «революционные элементы», но и быть их слугой — именно так рассматривали его члены комитета репатриации.

Поскольку в Мельбурне находилось российское консульство, мельбурнский комитет стал центром репатриации для политэмигрантов по всей Австралии; Сидней и Мельбурн присылали сюда своих депутатов. Крупные собрания, прошедшие в Мельбурне на волне Февральской революции и требований репатриации, способствовали и объединению русских во всеавстралийском масштабе. В апреле уже было решено создать ассоциацию русских подданных в Австралии; тогда же упоминается, что Гребин стал «президентом центрального комитета

русских подданных в Австралии». В апреле было принято решение о создании Русского клуба и русской библиотеки в Мельбурне — очевидно, существовавшие к тому времени организации не удовлетворяли мельбурнцев.

Для сбора средств на библиотеку было решено организовать грандиозный русский концерт. И тут на первый план снова выходит Юлия Гребина. После Февральской революции запрет на её выступления, наложенный по инициативе Абазы, был снят и, более того, в мае 1917 г. она была назначена преподавателем русского языка на факультете искусств в университете Мельбурна. Именно эту дату можно считать началом преподавания русского языка в Австралии на университетском уровне; по крайней мере, как мы увидим далее, попытки такового.

Сейчас же Юлия вместе с Ольгой Ивановой занялась подготовкой вечера. Пианистка Ольга Иванова (ур. Лаврова) была, если верить газетному интервью, дочерью русского генерала; в 1914 году в Лондоне она вступила в брак с русским скрипачом еврейского происхождения Григорием Ивановым (Зуссерманом), выпускником Московской консерватории, который прежде был, согласно рекламе в австралийских газетах, солистом Императорского русского оркестра. Они прибыли в Австралию в самом начале войны и приняли активное участие в культурной жизни сначала Аделаиды, а затем Мельбурна.

Русский концерт состоялся 6 июня 1917 года в Масоник Холл на Коллинс-стрит. Здесь, как кажется, впервые русская культура, которую представлял в Австралии в то время небольшой круг артистических русско-еврейских интеллигентов, представляла Российскую империю рука об руку с русскими иммигрантами из рабочего класса, и, что не менее важно, вовлекала в своё поле австралийцев, заинтересовавшихся далёкой экзотической Россией. Концерт открывал оркестр «Балалайка», организованный русскими иммигрантами, выступавшими в русских костюмах; в нём участвовали и русские дети. Русские романсы и классическую музыку Рахманинова и Скрябина исполняли австралийские артисты. Макс Зелинский, скрипач, прошедший петербургскую школу, играл «Легенду» Г. Венявского и «Серенаду» С. Рахманинова — произведения, кстати, чрезвычайно сложные. Русские танцы исполняли ученики мельбурнской танцевальной школы госпожи Уильям Грин. Австралийка Анна Уильямс исполнила «Письмо Татьяны» из оперы Чайковского. Юлия Гребина читала стихи в прозе Тургенева с музыкальным сопровождением. Прозвучали и русские народные песни «Красный сарафан» и «Соловей» в исполнении австралийки Стеллы Уилсон.

Заключительным и самым политически значимым номером концерта стали «Живые картины», организованные Виолет Тиг. Идеей номера было показать многообразие народов, населяющих Российскую империю, ведь одним из лозунгов Февральской революции было

³⁰ Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. (сборник документов) ..., р. 299.

После концерта. Из архива семьи Заборовских

уравнение в правах различных народов и конфессий, населявших многонациональную империю. Матушку России представляла стоявшая в центре сцены высокая красавица-австралийка, закутанная в русские меха; это была жена Нисона Леонард-Каневского, по имени Вера Минерва. Перед ней проходили народы Российской империи, одетые в национальные костюмы. Великороссы, т.е. русские, были представлены Стелой Уилсон, украинцы — Джеком Марущаком, Сибирь и Финляндия — австралийцами, Польша — девушкой по фамилии Лейшман, Кавказ — Нисоном Леонард-Каневским, черкесы — Юлией Гребинной, иудеи — юной Мадж Козминской и цыгане — Мэри Струнин. Мадж происходила из большой семьи Козминских, которые иммигрировали в Австралию ещё во второй половине XIX века, а чета Струниных были актёрами, приехавшими в Австралию с театральной группой, игравшей на идиш.

В архиве мельбурнской семьи Заборовских, впоследствии уехавшей в Советский Союз, сохранилась фотография, сделанная, возможно, после этого вечера. Интерьер театрального зала может помочь уточнить её происхождение.

Сбор от концерта составил значительную по тем временам сумму в 80 фунтов, и 30 июля 1917 г. уже было объявлено, что по адресу Molesworth Chambers, 450 Литтл Коллинс Стрит открыты русская библиотека и комнаты Русской ассоциации. Это ещё один адрес, связанный с ранней историей русского Мельбурна.

Привлекательный образ России — страны с богатой духовной культурой и многообразной этноконфессиональной палитрой её народов, представленный на концерте, который австралийцы принимали с распростёртыми объятиями, оказался лебединой песней уходящей

Российской империи. Нарастающая конфронтация между политическими силами в России как в капле воды отразилась и на русской колонии Мельбурна. В августе 1917 года участники очередного собрания россиян в Мельбурне потребовали отзыва Абазы, поскольку тот оставался чиновником «старого типа» и не хотел сотрудничать с русскими организациями; они надеялись, что на смену ему будет прислан «подлинный представитель русской демократии»³¹. В это же время Гребины навсегда покинули Австралию, отправившись в Америку. Покинул Мельбурн и доктор Клячко, который впал в немилость у австралийских властей — причиной стала его романтическая связь с девушкой из богатой мельбурнской семьи, которая в конце 1917 года бежала с ним во Владивосток. С их отъездом в общине россиян возобладала более радикальные лидеры — Джек Марущак, механик, украинец из Подольской губернии, и Викентий Петрушеня, токарь, белорус из-под Слонима. Александр Абаза покинул свой пост после Октябрьской революции и закончил свои дни в Египте.

Русская община Мельбурна, хотя и поредевшая после отъезда её членов на родину в 1917 году, а затем в 1920-х — начале 1930-х годов, тем не менее не сошла на нет и дождалась прибытия новой волны послевоенной эмиграции, но эта уже тема совсем другой истории.

(Продолжение следует)

³¹ Russian Consul General Protest against his actions. — Daily Standard, Brisbane, 14.08.1917, p. 4.